

1 место

СЕРГЕЕВ Егор , Петрозаводск (Россия) . "Над предместьем, как над Парижем"

INFLORESCENCES

Я знаю, что нет на свете ничего чище
любви семнадцатилетних, на ночной крыше
срастающихся в соцветье худых лодыжек,
предплечий, что перекрещиваются ниже,
чем вечером этим летним, когда они же
касались друг друга боязно и слегка.

Я знаю, что нет на свете ничего чище
тоски семнадцатилетних по своим ближним,
которых они не требуют и не ищут,
но помнят себя соцветиями на крышах,
летящими над предместьем как над Парижем,
светящимися как золото маяка.

2 место

СПАРБЕР Александр , Москва (Россия) . "Другая жизнь"

Пьяное

Погляди – за окошком зима. И над голыми кронами,
над балконами башен, подставивших ветру бока –
растекается воздух – тягучий и полный воронами –
черно-серыми пифиями, фанатками Спартака.

Завтра грянет весна! – так кричат они. – Снова зелеными
станут ветки, деревья; пробьётся, окрепнет трава,
и тогда, и тогда – мы закружимся над стадионами!
Завтра грянет весна! Завтра грянет весна! – но сперва –

(так пророчат они - распростёрты, крикливы, юродивы –
им известно скрипенье веков и биенье минут) –
– Но сперва, но сперва – вы помрёте, помрёте, помрёте вы,
И все матери ваши помрут, помрут, помрут!

Обними меня.
Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится…
Воздух полон воронами – так, что не видно ни зги…
Пожалуйста,
помоги мне укрыться от этого ужаса
Пожалуйста,
помоги.

3 место

Алия ХАГВЕРДИ, Баку (Азербайджан). "Колыбельная для дракона"

Колыбельная для дракона

Колыбельная для дракона
Восемнадцать драконов летели на юг косяком,
Восемнадцать принцесс танцевали фокстрот босиком,
Но с тех пор, моя радость, прошло восемнадцать веков,
Так что спи, не жалей ни о ком.

И седьмой из драконов был бел, как вершина горы,
А седьмая принцесса ложилась, не сняв кобуры,
Эти двое в лихую годину тушили костры,
Пили ром и спасали миры.

А потом расставались, и он, улетая к заре,

Вспоминал их победы и будни, богов и царей.
Он сказал бы, что любит ее, но пока не созрел.
Вот и все. Засыпай поскорей.

4 место

ДЫНКИН Михаил , Ашдод (Израиль) . "Три стихотворения"

* * *

волновалась над кровлями осень
растекалась под пальцами кровь
просыпался Прекрасный Иосиф
в окружении тощих коров

потолок изучал равнодушно
под симфонию ржавых пружин
а в окне дирижаблевы туши
проплывали
и скверик кружил

неказистый такой, из бездомных
с голубятней на голом плече
и гонялся за скверvoком дворник
осенённый метлой из лучей

фараон наклонялся над ними
хмурил лоб эбонитовый...
дул
Шу, в зарю погружая ступни, и
вверх тормашками в первом ряду

светотени ладоши сдвигали
так что сыпались листья с осин
золотыми сучили ногами
на траву опускались без сил

время, пятясь, из комнаты вышло
чиркал луч о сухую постель
замычал патриарх неподвижный
на полу меж коровьих костей

5 место

КУДРЯШЕВА Алина , Мюнхен (Германия) . «Не один»

НЕ ОДИН

А еще тебе говорят, что ты не один
И таких, как ты, говорят, еще тьма и тьма,
И киваешь им, окей, мол, ты убедил,
Но один, один, пока не сойдешь с ума,
А когда сойдешь, на запасном его пути,
Где по пояс ромашка, хмель, резеда, чабрец,
Не встречают те, с кем можешь себя сплести,
Не встречают те, с кем мог бы себя обрести,
Ты не скажешь им, что пока не идет почтарь,
Ты еще не надписан, еще не прошел в печать,
Ты еще умеешь жить говорить мечтать,
Но уже не можешь петь обнимать молчать.
И пока еще тлеет зарево в синеве
То есть солнце садится в девять без десяти
Ты успеешь надписать голубой конверт
И лизнуть вишневую марку, прочти, прости,
Извини, что я так и остался, не вовлечен,
Не влетел в трубу, не вошел в перебор ладов,
Золотая пчела, присевшая на плечо
Серебристый пепел, ссыпавшийся в ладонь.

И таких, как ты, говорят, еще тьма и тьма,
Тьма накрыла город, обшарпанные дома,
Говорят, что вроде мимо прошла зима,
Ты глядишь на них со страхом: была зима?
Но блестят проливные рельсы в сухой пыли,
Подожди не бойся выпей на посошок
Если скажут слейся, то ты уже все пролил,
Если скажут сойди с пути, ты уже сошел.
Лишь постольку ты можешь в девять без двух секунд
Погибая от солнца, вплавленного в груди,
Говорить, что уже повинного – не секут,
Говорить, что уже погибшего – не судить.
Говорить, что ни с кем из нынешних не в родстве,
Если кто и случился рядом – его вина
Ровно в девять на эту землю придет рассвет
То есть прямо на станцию в девять придет весна.
Лебеда, чабрец цветут у тебя в груди,
Потому что ты письмо, чернильная вязь,

А еще тебе говорят, что ты не один,
Не один, динь-динь, не один, не один из вас.

Ты не вышел станом, словом, собой, лицом,
Красной ручкой надписан адрес и голубой
Ветер пахнет сухим и радостным чабрецом
Позволяет не быть, забыть, да, не быть собой.

Не один, зерно, сбереженное воробьем,
Не один, и рельсы, и улей, и почтальон,

Открываешь письмо, в котором подряд, подряд:
Не один, говорят. Не один, тебе говорят.

6 место

ШИРИМОВА Елена , Одинцово (Россия) . "Надмосковье"

ВИНИЛ

Дом-электричка-работа. И мир не мил.
Двигаюсь в темпе, тревожно кому-то снясь,
Словно иголку поставила на винил
Очень давно, а потом позабыла снять.

В общем-то я не ропщу, что живу спеша.
Просто успела смертельно устать от них:
От пустоты в глазах, гарнитур в ушах,
Прессы, макбуков, айфонов, планшетов, книг.

Вдруг замечаю, что нет за окном зимы,
Солнце в ладони насыпало медяков,
Снежные шапки стянули с себя холмы,
Лысые, словно макушки призывников.

Слушай, а может в субботу рванём к Весне?
Слезем на том полустанке, где ни души,
Будем кружиться, и мартовский слабый снег
Прахом ли, перхотью плечи запорошит...

Ты белобрысый и мягкий, тебе лишь пять,
Нежный пушок не сменился ещё на ость,
Но понимаешь, что время не может – вспять,
Только вперёд, а свободное – редкий гость.

Что композиция в плеере – на века,
Не оборвётся, с годами лишь сменит ритм:
Мама-дорога-садик, кричи "пока!",

Садик-дорога-мама, "привет!" ори.

Я доскриплю, доиграю в свою игру.
Знаю, когда-нибудь перерастёшь меня.
Дай обещанье с пластинки снимать иглу...
Или хотя-бы плей-лист иногда менять.

7 место

РОМАНИКА Юлия , Харьков (Украина) . "Неудобное сердце"

Привычка

Человек просыпается рано, сминает грёзы, встаёт с постели,
Надевает холодные тапки, затем – халат – и бредёт сквозь темень.
Он включает на ощупь свет, отмечает случайно
Ощутимые перемены в своем едва проснувшемся теле.
Пожимает плечами и ставит чайник.

Человек заплывает в метро, он как рыба хватает воздух губами,
Пробирается вглубь; и обложка у книжки его голубая.
Люди спят, наступают друг другу на ноги, упираются лбами,
Громко думают что-то и громко кого-то бранят.
Человека всё это нисколько не задевает, слегка занимает,
Ведь на нём как будто броня.

Человек устаёт на работе, он ёрзает в кресле, массирует шею.
День тонул в суете, расставлял капканы и ждал решений.
Но внутри человек будто сделался вдруг совершенным.
Ему хочется петь и ладони его горячи,
Словно ангелы в синеве сосудов его раскопали траншеи,
И оттуда сияют лучи.

Человек возвращается в полночь; он как титаниковы отсеки
Переполнен каким-то чувством. Ложится, смыкает веки.
И прозрение падает тут же к нему в кровать:
Счастье – это привычка почти не свойственная человеку.
И теперь пора привыкать.

8 место

СМИРЯГИНА-ДМИТРИЕВА Клавдия , С-Петербург (Россия) . "Про котов, тараканов и сны"

Про кота

Детей у них не было, видимо, Бог не дал,
а может, не больно хотели, хотя сначала
она колыбельку частенько во сне качала.
Потом перестала. Устала. Прошли года.

Он стал ей и мужем, и сыном, но вышел срок,
и он не проснулся обычным осенним утром.
Она на поминках не плакала почему-то.
Друзей проводила, защёлкнув дверной замок.

Отчётливо зная, что утром к нему уйдёт,
легла на кровать, примостившись привычно с края.
И вспомнила вдруг, окончательно засыпая,
что завтра голодным останется рыжий кот.

С тех пор миновало двенадцать протяжных лет.
И кот вечерами на кухне мурлыкал звонко.
Когда схоронила кота, принесла котёнка.
Зовёт его мальчиком. Гладит.
И в сердце – свет.

9 место

Ина ГОЛДИН, Париж (Франция). "Сосновице"

Богоматерь мертвых

У отца Ежи
Холодная церковь
Пустые скамьи
Аляповатый портрет Богородицы
Ничуть не похожий на Ченстоховску
Богородица роняет слезы
Говорят, это просто чад и краска
У отца Ежи
Одинокая служба
Тяжелое время, Познань, пятьдесят шестой
Он не вмешивается
Не знает
Забыл
Спрятался
Иногда к отцу Ежи
Приходят мертвецы

Замерзшие, в рваной военной форме
Мертвецы греют о свечки руки
Преклоняют колени перед Матерью
Зачерпывают прозрачной ладонью
Святую воду
Мертвецы не знают, что они мертвы
У отца Ежи сердца не хватает - сказать
Он исповедует
Причащает
Творит над всеми одинаковый ритуал
Отпускает их в тепло и на волю
У кого какая работа, у отца Ежи - солдаты
Недавних и давних войн
Не сиделось же людям
Вчера вот пришел один
Веселый, продрогший
Все время чесал затылок - пуля скребется
Спрашивал, как найти
Партизанский отряд
Отец Ежи приходит к семьям
Черный, как траурная лента
К тем, кто ждет - чтоб больше не ждали
Вдовы смотрят сквозь
Крестятся, как от греха
Иногда в церкви
Появляются дети
Тощие, грязные, со стариковскими лицами
Здесь таких полно
Съеживаются на скамейках, смотрят на Мать
Они виноваты в Ее слезах
Распяли Ее сына - им так сказали
Эти дети не его ведомства
Но отец Ежи только вздыхает
Не выгонишь же на улицу
У Нее на глазах
Так и работают - отец Ежи и пани Марыля
В выстывшей, давно разрушенной церкви
Отца Ежи когда-то зарубили пруссаки
Всего-то дел - отказался венчать

Как-то раз в его церковь зашел живой
Поставил свечу Богоматери
Помолился.

10 место

ИВАНОВА Надежда , Рига (Латвия) . "Адаптивная физическая культура"

Так и надо

- Отпусти, мне больно - Так и надо, родная, я поэтому и держу.
Ты не стала одной из моих недопородистых полукровных сук,
тех, что страстно, отчаянно бились в силках моих губ и рук,
тех, чьи тела распорол и неловко зашил врач дежурный,
вырезая плаценты вместе с ненужными никому детьми,
тех, что подбрасывали младенцев как больные кукушки
в свои же дома, с отцом вечно пьющим и матерью вечно орущей,
тех, что сами пили безумно и, в конечном итоге, они
приходили ко мне, прибегали, а точнее ползли на коленях.
Я любил их огромно, вечно, беспамятно и недостаточно,
рассказывал сказки, вытирал испарину с лбов моих ласточек,
успокаивал, целовал их ключицы, обрисовывал тонкие тени,
когда они уходили к тем, кто хуже и ниже ростом,
к тем, кто слизывал с моих девочек мёд умных слов,
красоту моих лучших стихов и болезненных снов,
музыкальных признаний, постельных умений, острых
игольных фраз, боль ревности матерей и нелюбви отцов.

Так и надо, родная, я люблю тебя больно просто.